

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Рассматривается понимание культуры в Античности. Античная культура строится на системе классического образования в форме пайдей. Пайдейя не есть только воспитание ребенка, но процесс формирования личности в течение всей жизни человека. Сама личность предполагает реализацию идеи целостного человека. Человек эпохи античности должен быть художником и мудрецом, атлетом и поэтом, врачом и оратором. Греческая культура содержит спортивный и духовный, физический и интеллектуальный элементы. Коллективное образование и воспитание строится на выработке тоталитарной нравственности; идея индивидуализма и субъективизма личности зарождается позже – в эллинистическую эпоху. Подлинное открытие субъективности происходит в христианской культуре.

Когда мы говорим об эпохе «просвещения», то речь идет не только о просвещении XVIII века, классическом периоде «просвещения» в новой истории. Я думаю, что через «просветительный» период проходят культуры всех времен и народов. В развитии культур всех народов есть известная цикличность. Это сходство культурных процессов указывает на органический характер в развитии культур. Греческая культура, одна из величайших культур, которые знало человечество, тоже имело свою эпоху «просвещения», внутренне сходную с той эпохой, которую человечество пережило в XVIII веке. ...В основном эпоха «просвещения» греческой культуры так же разрушала священное в историческом, органически-традиционное, предания исторические, как это делала всякая эпоха «просвещения». Эпоха «просвещения» есть такая эпоха в жизни каждого народа, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тайн жизни, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли.

Н.А. Бердяев

...греки с разумом связывали все свои упования и считали его лучшей частью человека. У них были и неотразимые доказательства этому: человек есть разумное животное. Разум есть его *differentia specifica* (существенное отличие), которое его выделяет из *genus'a*, т.е. животных вообще, и, стало быть, является его сущностью как человека.

Л. Шестов

...с самого начала своего существования греческая мысль искала и находила единый принцип во вселенной. Первый греческий философ провозгласил: все есть вода. И все за ним всегда говорили о едином принципе.

Л. Шестов

Сегодня слово «культура» прочно вошло в нашу лексiku и повседневную жизнь. Данный факт свидетельствует о том, что его востребованность объясняется возросшей рефлексией по поводу сущности человека, результатов его деятельности и окружающего мира. Нас более не удовлетворяет тот подход, который существовал в прошлом относительно познания социальных явлений, при котором вся история представляла в безличных формах: исторический процесс понимался как объективный результат, возникающий на пересечении бесконечного числа отдельных побуждений личностей. Тенденция гуманитарного знания зримо просматривается в том, что на место объективированной реальности привносится идея *живой действительности* с ее конкретными личностями, их помыслами и неповторимой судьбой, – идея, которая для своего научного воплощения нуждается в понятии «культура». Мир человека – это мир культуры, и мир этот чрезвычайно велик: это живопись, музыка, литература, театр, наука, религия; это земледелие, техника, промышленность, информационное обеспечение производства. «Перед нами 6000 лет духовной истории человечества, – писал О. Шпенглер. Из потока, разлившегося по всей планете, рождаются великие культуры и их судьбы, что и составляет историю в ее подлинном, глубоком смысле» [1. С. 153]. Актуализация культуры как живой действительности в полной мере возникает при *антропологическом и персоналистическом* подходе к человеку и обществу: в истории существует только конкретная личность с ее индивидуальными и неповторимыми чертами, а всякое общество есть общество своеобразной культуры. В реальной действительности не существует спиритуализма безличного

духа и рационализма отвлеченной идеи, как и не может быть культуры, не имеющей своего собственного *этноса* – национального и хозяйственного стиля. «В глубине каждой культуры таится единая идея, которая выражается полными значениями словами: “Дао” и “Ли” у китайцев, “логос” и “сущее” у аполоновского грека, воля, сила, пространство на языке фаустовского человека, который отличается от всех остальных культурных типов своим ненасытным стремлением к бесконечности; он подзорной трубой побеждает мировое пространство, рельсами и проволокой – расстояние земной поверхности; машинами он подчинил себе природу, своим историческим мышлением – прошлое, которое он укладывает в рамки собственного своего существования, называя его “мировой историей”; своими дальнобойными орудиями он подчиняет себе всю планету и вместе с ней остатки более старых культур, которым он ныне насильно навязывает свои формы жизни, но надолго ли?» [1. С. 154–155]. *Этос* русской живописи как явления национальной и мировой культуры – этого искусства «человеческого глаза» – состоит в том, что есть «серьезное, ответственное перед народом и общественным сознанием *дело, совестливое* и целомудренное (требующее безусловной сосредоточенности помыслов, без мещанской корыстолюбивой заинтересованности или «конъюнктурности»)» [2. С. 24]. Общественные и социально-классовые корни этического начала доминировали в «русско-живописном становлении» потому, что в своем главном и существенном русская живопись являлась созданием демократической интеллигенции. У ее истоков стояли художники из крепостных крестьян; по мере развития сознания и освобождения его из-под «крепостного воздействия» у

них складывается свое глубоко демократическое понимание живописного. Пришедшие им на смену «разночинцы» сохранили в изобразительном искусстве этически-социальные оценки: эти люди знали труд и невзгоды народной жизни, а потому решительным образом отрицали *всякую «приятную праздность»* («Dolce far niente») в реальной действительности. Совесть как обязательный компонент сознания каждого выдающегося русского художника и поиск *главного* в человеке характеризуют сущность этоса русской живописи.

Этимология (от гр. *ετυμων* – истина, происхождение) слова «культура» своими корнями восходит к античности; его можно встретить в трактатах и письмах Древнего Рима. Культура как явление реальной действительности обнаруживает тесную связь с религией в своих истоках, генезисе и последующем существовании и развитии. Это обстоятельство нашло отражение в происхождении слова «культура». Последнее ведет свое начало от понятия «культ» (от лат. *cultus*) и означает поклонение, почитание, почет. В древности человек находился в мире богов, он встречался с ними повсюду: дома, в поле, в роще, во время плавания в море, в походах и войнах; они окружали его в городе, охраняли городские законы и обеспечивали безопасное существование граждан. В процессе культурного развития человек постигал себя таким образом, что его самосознание не замыкалось только на себе, но имело выход в божественную сферу – себя он находил в Боге и через Бога. Вся человеческая история есть история самопознания, когда человек открывает себя в Боге, а Бога – в себе. Отсюда следует, что культурология как наука, познавая культуру как мир бытия, созданный в целях человеческого существования, за исходное «начало» берет человека; сам человек постигается через внутренний мир, в котором Божественное и человеческое существуют в органическом единстве.

Культура и религия существуют в органической связи; диалектика этого единства такова, что религия не есть часть культуры, не есть элемент культуры, как часто приходится сталкиваться в литературе с подобной точкой зрения, но оказываются тождественными в своем осуществлении. Культура обретает себя в культе, религия пронизывает всю почву культуры. «Культура родилась из культа, – писал русский философ Н.А. Бердяев. – Истоки ее – сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура – благородного происхождения. Ей передан иерархический характер культа. Культура имеет религиозные основы» [3. С. 701].

В ходе семантических (от гр. *σημαντικο* – обозначающий) трансформаций слово «культура» стало пониматься предельно широко – в значении «хозяйства»; *cultura* есть возделывание, обработка, уход, улучшение. В классической латыни слово «культура» употреблялось в смысле обработки почвы, земледельческого труда («*agri cultura*»). Марк Порций Катон в трактате о земледелии говорит не только об обработке земли, но и об уходе за участком. Получить какие-либо результаты в сельском хозяйстве невозможно без особого душевного настроения, без заинтересованного отношения к делу – без культуры.

Постепенно слово «культура» стало распространяться на область разума, мышления человека. Цицерон говорит о возделывании не земли, но внутреннего мира человека, его *духовности*. Философию он понимает как культуру духа и ума. В «Тускуланских беседах» можно встретить выражение: «...но культура духа есть философия» («*cultura animi autem philosophia est*»). Другими словами, разум можно возделывать точно так же, как крестьянин обрабатывает землю. Культура ума не есть что-то простое и легко достижимое; «возделывание» разума – это долгий и трудный путь, и он не похож на «сады Адониса», расцветающие за семь дней и так же быстро увядающие. «Это настоящий труд, не уступающий крестьянскому: нужно глубокое вспахивание, выбор семян, постоянное, неиссякаемое усердие» [4. С. 114]. Это одно из требований античной, в том числе Платоновской, школы, и оно неукоснительно выполнялось на протяжении последующих веков. Св. Августин, спустя восемь веков, в своем «De Ordine» руководствуется той же самой схемой при организации образования: в деле воспитания и образования следует идти «этим длинным путем, или никак».

В античной культуре во всем Средиземноморском мире (*οικουμενη*) существует только одна система классического образования, и она выступает в форме *пайдейи* (от гр. *παιδεια*). Следует сказать, что образование по отношению к культуре есть вторичное и подчиненное явление: через него происходит приобщение молодого поколения к ценностям и навыкам, которые характеризуют культуру общества, в частности греческого. Именно благодаря единому образованию и единому воспитанию греки сохранили свою идентичность, свою культуру, отличающую их от остального мира (варваров). Где бы ни жили греки – в фаюмских селениях, Вавилоне, в далекой Сузиане – они всегда создают свои институты, свои образовательные учреждения, начальные школы и гимназии. Воспитание для греков есть первостепенное дело, благодаря которому они формируют свой неповторимый жизненный стиль. Общегреческое единство основывалось вовсе не на ощущении этнической общности; греком человека делает не кровь, а дух. Сократ говорил: «Мы называем эллинами тех, с кем нас объединяет культура скорее, чем просто людей одной с нами крови». Пайдейю (от гр. *παις* – ребенок) как воспитание ребенка не следует понимать в буквальном смысле; в действительности дело обстоит таким образом, чтобы образовать взрослого человека. Это воспитание не адресовано ребенку. Этимология слова *παιδεια*, хотя в нем и просматривается *παις*, трактуется следующим образом: «обращение, которое показано ребенку», чтобы сделать из него человека. Не случайно римляне Варрон и Цицерон перевели *παιδεια* как *humanitas*.

Образование, *παιδεια*, не есть только занятие ребенка. В своем истинном предназначении эта деятельность выходит за пределы школьного возраста и распространяется на всю последующую жизнь человека. Пайдейя становится синонимом культуры, понимаемой не в пассивном, подготовительном значении, но в современном смысле – как возможность человеку развить в себе все духовные и физические способности и стать человеком в полном смысле слова. Платон, говоря о

подготовке философа, полагает, что она завершается лишь к пятидесяти годам. Только тем, кто доживет до этого возраста и преодолет все испытания, удастся достичь цели: им откроется созерцание Бога как такового. «Пятьдесят лет уходит, чтобы вырастить человека...». При характеристике своего педагогического метода Платон употребляет выражение «долгий обходной путь» (μακρὰ περίοδος).

Классическое воспитание, будучи образованием или возделыванием человека, предполагает человеческое существо как некую *целостность*. Воспитанию должен подвергнуться весь человек с его душой и телом. Древнее эллинское образование было направлено на осуществление идеала калокагатии (от гр. *καλοκαγαμία*) – органического соединения художественного и литературного, интеллектуального и физического воспитания. Калокагатия в буквальном смысле означает «присутствие в человеке красоты и доблести»; «красота» (*καλός*) выражает физическую сторону человеческой сущности, «доблесть» (*αγαθός*) – нравственное состояние человека. Согласно греческому пониманию образования, высокообразованный ум должен быть в великолепно развитом теле – человек должен быть прекрасен весь (*παυκαλός*). Идея целостности и всесторонности личности из «древней эпохи» перешла в культуру более позднюю и даже увлекла таких «неоязычников», как Буркхардт и Ницше. Так, более поздний автор Плотин, живший в III в. н.э., повторяет идею греческого образования, могущую рассматриваться в качестве девиза эллинской культуры: «Не уставай лепить свою собственную статую». Стать самим собой означает для грека превратить несмышленного ребенка во взрослого мужа – человека образованного, физически здорового, полностью подготовленного к взрослой жизни; для этого потребуется время всей жизни.

В своем законченном виде эллинистическое воспитание предполагает систему подготовки, строящуюся на семилетнем периоде: первые семь лет ребенок воспитывается в семье (*παιδίον* – «маленький ребенок»), следующие семь лет (*παις* – «ребенок») – обучается в школе, наконец, с четырнадцати до двадцати одного года (*μυρσάκιον* – «подросток») происходит формирование его гражданской и военной зрелости (эфебия), условно соответствующее современному среднему и университетскому образованию. Начиная с семилетнего возраста умственное воспитание ребенка сопровождалось его физическим воспитанием. Для греков как архаического, так и эллинистического периода физическое воспитание являлось существенным элементом их культуры. Физическое воспитание перерастает в спортивное: с архаических времен в Греции практикуются спортивные соревнования, на которых участвуют атлеты. Вся воспитательная практика готовит ребенка, а впоследствии юношу выступать на соревнованиях, где требуется высокий спортивный профессионализм. «В эллинистическом обществе уже на ранней ступени агонистика заняла столь широкое место и обрела столь серьезный статус, что дух уже более не сознавал ее игрового характера. Состязание во всех его видах и во всех случаях стало для греков такой интенсивной функцией культуры, что его расценивали как «обычный» и полноценный элемент жизни, игрой же более не считали» [5. С. 44]. Спортсмены состязались в беге,

прыжках в длину, метании копья и диска, борьбе, боксе, панкратионе, плавании; любимым видом спорта аристократии была верховая езда, управление колесницей и охота. Но вместе с этим молодые люди должны были уметь декламировать, владеть ораторским искусством, танцевать, петь пеаны и аэды, играть на лире. Античные рыцари вовсе не похожи на воинственных варваров, они воспитаны в атмосфере вежливости и «куртуазности» (отношение Телемаха к женихам матери Пенелопы, нежелание старого Лаэрта взять в наложницы рабыню Евриклею, прекращение боя Диомеда с Аяксом при явном преимуществе первого и т.д.).

Культура «пайдейи» свое окончательное завершение получает во времена после Аристотеля и Александра Македонского. Она принимает законченную форму лишь в эллинистическую эпоху и на длительное время остается неизменной. В течение следующих веков классическое образование освобождается от пережитков аристократического характера и роль физической культуры постепенно уменьшается в пользу умственной деятельности: литературной, музыкальной, художественной, пока, наконец, спортивный тип культуры с его идеалом профессионального атлета не исчезает бесследно. В Греции с самого начала существовали две взаимоисключающие тенденции спортивной и умственной культуры. Между двумя типами воспитания – физическим и духовным – изначально существовала непримиримая вражда. Аристофан в комедии «Облака» высмеивает сторонников как физического, так и духовного (Сократ, Платон) воспитания. Равновесие между ними было призрачным и зыбким; постепенно происходит переход «от культуры благородных воинов к культуре писцов». Содержание высокой греческой культуры существенно изменилось со времен Феогида: в ней преобладает интеллектуальный, научный и рациональный элемент. Объясняется это тем, что атлеты, как правило, были низкого происхождения, грубыми и невоспитанными, а «аристократическая плутократия» не желала заниматься спортом. В искусстве древнего Рима тема спортсменов-дикарей получила отражение; можно говорить, что был забыт древний идеал гармонии телесного и духовного начала в человеке. В Греции после распространения христианства физическое воспитание и спорт исчезают полностью и остается гуманитарное образование классического типа. Последние спортивные состязания, в которых участвовали эфебы, прошли в 323 г. н.э. в Египте.

Говоря о культуре «пайдейи», следует обратить внимание на значительную идеализацию гомеровских персонажей: античный герой должен владеть всем – от метания копья до изготовления лечебных снадобий. Он являет собой живое воплощение *технической* стороны образования (владение оружием, музыкальными инструментами, ораторским искусством) и *этической* – идеала жизни, идеала человека, «рыцарства». Этика рыцарства нашла выражение в идее жертвенности во имя чего-то высшего; ценность жизни отступает у воина перед любовью к славе, перед совершенной доблестью, храбростью и геройством (*αρετή*). Мораль чести есть возвышенное стремление к великому, а у героя – стремление к первенству, превосходству перед соперником даже ценой собственной жизни. Невозможность

сочетать в одном лице универсальное знание и разностороннюю деятельность привели к тому, что культура, жизнь и образование греков при сохранении военных элементов стали в основном гражданскими. Человек есть ограниченное существо, а потому идеальный образ физической красоты, культ тела и энциклопедические знания с развитой духовностью для него невозможны в органическом единстве. «Грек хочет быть сразу художником и мудрецом, эрудитом с чувством изящного, легко и с улыбкой несущим свое бремя, и мыслителем, которому открыты тайны мира и человека, кто в состоянии их установить с геометрической точностью и извлечь из них жизненные правила: и то, и это – Человек, и сделанный выбор есть нанесенное увечье» [4. С. 308].

Аристократическая эфебия, попытавшаяся объединить гимнастику, музыку, словесность, науки и искусства и создать единственный тип эллинистической культуры в человеческой истории, достигла этого фактической подменой подлинных знаний поверхностной эрудицией и изящной жизнью. Классический гуманизм эллинистической эпохи посредством классического воспитания и образования потенциально был готов создать «первоначальный материал высшего человеческого типа» – человека, наделенного тонкой душой и разносторонними знаниями, однако в действительности, т.е. на выходе, получался такой человек, который был больше озабочен утонченностью внутреннего опыта, изящными наслаждениями и сладостью жизни.

Недостижимость идеала человека как целого была вызвана многими причинами: начавшимся в III в. до н.э. процессом дифференциации научного знания, выделением из философии отдельных «философий», техническим прогрессом, особенно заметным в эллинистическую эпоху; все это и другое вставало перед человеком непреодолимым барьером в виду его ограниченных умственных и физических возможностей, а также скоротечности жизни. Но однажды возникнув, идея *целостной личности* уже никогда не покидает человека; вплоть до сегодняшнего дня все образование строится на педагогической традиции, когда предпочтение отдается идеалам гуманизма – современная педагогика предпочтение отдает «общему» образованию и воспитанию по сравнению с образованием в «узком» смысле. Гуманистическое устремление к целостному человеку – человеку, который не стал «рабом разделения труда», всегда рассматривается как высшая ценность, достойная образца; не отдельно взятый художник, ученый, инженер – как бы они ни были востребованы современной дифференцированной цивилизацией, – но «человек целиком» в единстве души и тела, чувств и разума, характера и духа есть идеал современной культуры, взятой вне контекста прагматической, утилитарной стороны жизни. Интересен человек не в своей отдельной роли или частной форме, т.е. как специалист, выполняющий конкретную задачу, но целостный человек, человек как таковой.

Общая культура (*εὐκοκλῶς παιδεία*), основанная на классическом воспитании, трансцендентна технической специализации и предполагает такого человека, который в состоянии решить все проблемы, встающие на его жизненном пути; неопределенность характера культурного идеала, «нерасчлененная человеческая

ткань, но очень высокого внутреннего качества» может адекватно реагировать на все требования духа (*καίρος*) и выполнить задачи любой степени сложности, какие поставит жизнь, общественные потребности или личное призвание. «Общая культура, но одновременно и культура для всех; именно потому что она универсальна в своих задачах, она подходит для всех и составляет, следовательно, мощный фактор единства людей. Отсюда и значение (на первый взгляд, удивительное), которое придается понятию Слова, *Λόγος*, и литературная доминанта этого образования. Поскольку именно Слово – привилегированный инструмент всякой культуры, всякой цивилизации, поскольку это средство наиболее надежного контакта и обмена между людьми; оно разрывает заколдованный круг одиночества, куда неизбежно затягивает любого специалиста его компетенция...» [4. С. 312]. Обращение к истории слова «культура» и диалог с древностью оказывается поучительным для современности, исповедующей и метафизически переоценивающей техническую специализацию.

Каковы судьбы культуры *παιδεία*, вышедшей далеко за рамки воспитания и образования, т.е. за пределы педагогической сферы? Общинная жизнь греков периода архаики послужила организации их системы воспитания и образования. «Древнее образование» (*ἡ αρχαία παιδεία*) строилось по заданному образцу, некоторому стандарту и, будучи предназначено всем свободным гражданам, становилось *коллективным*. В свою очередь, данный факт послужил появлению и развитию школы. Под давлением коллективного воспитания (что следует рассматривать как социальную потребность) возникает греческая школа. Греческое образование, как и вся греческая культура, содержит спортивный и духовный, физический и интеллектуальный элементы. Ввиду отсутствия *одного* греческого языка эллинистической эпохи школу называли иногда палестрой, иногда гимнасием.

Коллективное воспитание посредством школы формировало у учащихся такие нравственные нормы, которые ставили ценность государства и национальной общности на первое место. Критерием добра и справедливости считается беззаветное служение государству; гражданская нравственность всецело подчиняется идее верности отечеству и повиновению законам. Благодаря такому воспитанию удается развить чувство коллективизма и дух повиновения. Ликург, пишет Плутарх, «приучил сограждан к тому, чтобы они и не хотели и не умели жить врозь, но, подобно пчелам, находились в нерасторжимой связи с обществом, все были тесно сплочены вокруг своего руководителя и целиком принадлежали отечеству, почти что вовсе забывая о себе в порыве воодушевления и любви к славе» [6. С. 72]. Чтобы воспитать послушание ребенка, его с раннего возраста помещают в соответствующие условия: он не бывает предоставлен самому себе, постоянно находится под наблюдением взрослых воспитателей, обязан повиноваться всем, кто выше его по социальному положению, будь то педоном или просто взрослый гражданин, попавший ему навстречу. Формирование таких нравственных качеств достигалось суровостью обстановки и жестокостью обращения. «За играми детей, – пишет Плутарх, – часто присматривали старики и постоянно ссорили их, стара-

ясь вызвать драку, а потом внимательно наблюдали, какие у каждого от природы качества – отважен ли мальчик и упорен ли в схватках. Грамоте они учились лишь в той мере, к какой без этого нельзя было обойтись, в остальном же все воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником. С возрастом требования делались все жестче: ребятишек коротко стригли, они бегали босиком, приучались играть стагами. В двенадцать лет они уже расхаживали без хитона, получая раз в год по гиматию, грязные, запущенные; бани и умачения были им незнакомы – за весь год лишь несколько дней они пользовались этим благом. Спали они вместе, по илам и отрядам, на подстилках, которые сами себе приготавливали, ломая голыми руками метелки тростника на берегу Эвроты. Зимой к тростнику подбрасывали и примешивали так называемый ликофон: считалось, что это растение обладает какою-то согревающей силой» [6. С. 66]. Суровый образ жизни, жестокость и варварство в обращении предполагают сделать ребенка выносливым к боли и голоду: детей морили голодом, заставляя воровством и хитростью добывать себе пропитание. «Если мальчишка попадался, его жестоко избивали плетью за нерадивое и неловкое воровство. Крали они и всякую иную провизию, какая только попадалась под руку, учась ловко нападать на спящих или зазевавшихся караульных. Наказанием попавшимся были не только побои, но и голод: детей кормили весьма скудно, чтобы, перенося лишения, они сами, волей-неволей, понаторели в дерзости и хитрости» [6. С. 71].

Вознаграждением за все лишения времени ученичества была для греков – в первую очередь спартанцев – их великолепная армия. Не было солдат в древнем мире, равных греческим по военной доблести, отваге, смелости и силе духа во время сражения. «Зрелище было величественное и грозное: воины наступали, шагая сообразно ритму флейты, твердо держа строй, не испытывая ни малейшего смятения – спокойные и радостные, и вела их песня. В таком расположении духа, вероятно, ни страх, ни гнев над человеком не властны; верх одерживают непоколебимая стойкость, надежда и мужество, словно даруемые присутствием божества» [6. С. 71]. Для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом, пишет Плутарх, ибо во время походов гимнастические упражнения становились менее напряженными и утомительными и, вообще, с юношей спрашивали менее строго, чем в обычное время.

Коллективное образование и воспитание строилось на выработке *тоталитарной* нравственности: все приносится в жертву ради интересов национальной общности и служения государству. «Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству...» [6. С. 65]. Тот, кто подчинен, не принадлежит самому себе. Но с IV в. до н.э. начинается процесс разрушения узких рамок полиса, что приводит к зарождению *индивидуализма*. Индивидуализм и *субъективизм* личности получил развитие в эллинистическую эпоху, когда складывается такое мироощущение, при котором человек чувствует себя не подданным государства, но «гражданином мира» (*κοσμοπολίτης*). Прежде сильные государства-полисы распадаются и вновь собираются вследствие военных и династических авантюры; в обстановке политических распрей и хаоса государство не обладает былым авторитетом и не может обеспечить человеку глубинную духовность, которая открывала бы ему смысл мира и жизни. На смену обезличенному индивиду (без-личность) приходит человеческая личность; вместо прекрасного атлета, «лишенного лица» (*αλροσώλος*), появляется свободный от тоталитарной зависимости полиса человек с развитым самосознанием. «Сделать из человека высшую ценность – именно эта тенденция свойственна духу эллинизма; безусловно, свободного, богатого и культурного человека, которого воспитание сделало человеком в полном смысле слова, которого *παίδεια* привела к *humanitas*. Свободный, полностью свободный перед лицом рухнувших стен полиса, покинутый своими богами, человек эпохи эллинизма напрасно ищет в безграничном мире и опустошенных небесах что-нибудь, к чему можно было бы прилепиться, чьего руководства слушаться – он не находит другого решения, кроме как опереться на самого себя и найти внутри себя принцип собственного совершенства» [4. С. 316].

Классический гуманизм формирует имманентное совершенство, но всеобщее эстетическое созерцание оставляет невостребованным индивидуальную и субъективную готовность личности посвятить себя добровольному служению таким ценностям, которые завершат ее самоопределение, при котором она получает оправдание не в чем-то другом, но в самой себе. Только в христианскую эпоху происходит открытие *субъективности*, когда человек становится центром мироздания и осознает свою персоналистическую сущность посредством реализации себя – своих возможностей и потребностей в духовном единении с Богом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер О. Пессимизм? М.: Крафт+, 2003.
2. Асафьев Б.В. (Игорь Глебов). Русская живопись. Мысли и думы. М.: Республика, 2004.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.
4. Марру А.-И. История воспитания в Античности (Греция). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998.
5. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 1.

Статья представлена научно-редакционным советом журнала, поступила в научную редакцию «Философские науки» 11 декабря 2006 г., принята к печати 18 декабря 2006 г.